

Юлия Нифонтова

Провода
гудящих
строчек

Юлия Нифонтова

● Провода
гудящих
строчек

Барнаул 2006

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Н-698

*Огромная благодарность за помощь
в создании книги моим родителям,
Сохнину Анатолию Герасимовичу
и Сохниной Римме Александровне.*

Нифонтова Ю.
Провода гудящих строчек. Стихотворения
Барнаул, 2006 г., 76 стр.

В оформлении книги использованы рисунки
Самариной Дарьи, Шалагиновой Натальи, Куз-
нецовой Юлии, Залоговой Ирины, Падуковой
Екатерины, Киселёвой Людмилы.

© Нифонтова Ю. А.

Живое дыхание

Время само по себе ничего не значит. Если оно – только в настоящем. Ибо о прошлом – всегда сожалеешь. О будущем – в сущности – тоже. А настоящее – в своей грубости – иллюзорно и мимолётно.

Но слово живёт вечной надеждой запомниться и остаться. При жёстком условии – оно должно быть до боли своим, и только своим. Не заёмным.

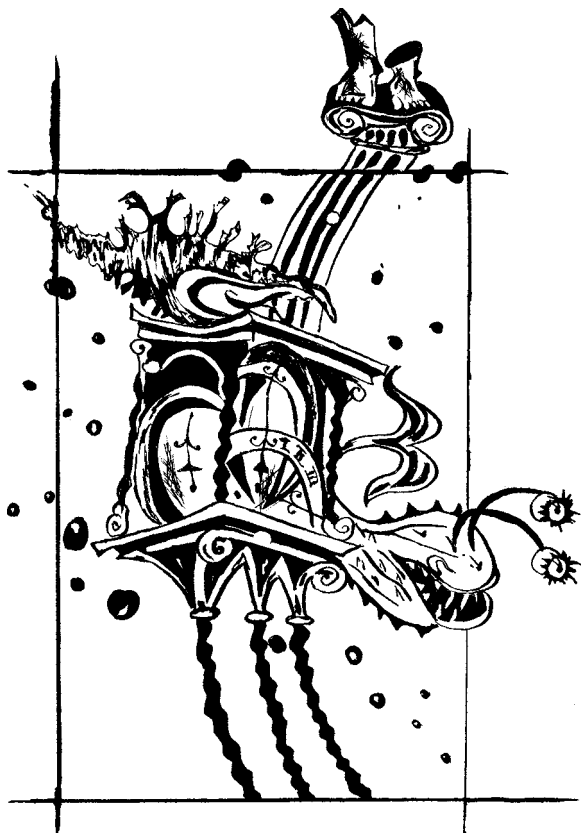
Юлия Нифонтова – в мучительных поисках такого слова. Сколько я её знаю.

«Я сгусток энергии, верный одной лишь надежде». Это она о Высоцком. Но и о себе самой – тоже. Не могу представить её успокоенной. Она вся в ссадинах и ушибах. Беспощадно ранимая.

«Как дышать – так говорить», – если это не творческий постулат, то что же?

И пусть это дыхание ни перед чем не собьётся.

Сергей Ключников

Муки
творчества

Провода гудящих строчек
Пробивают мне виски.
Я потерянный кусочек, –
Капля от твоей тоски.

Ночь тяжёлым покрывалом
Занавесила окно.
Под придуманным забралом
Стало пусто и темно.

А в углу, за образами,
Тихо крыльями шурша,
Успокоилась слезами
На двоих одна душа...

Актриса голая, печальная,
В слезах и блёстках.
Ловлю, ловлю такси случайное
На перекрёстках.

Обмотан город в бинт афиш –
Их треплет ветер.
Провинциальный мой “Париж”
Уж полон сплетен.

Звонок последний дребезжит.
Весь свет на сцену!
Я, как костюм, чужую жизнь
Сейчас надену...

Я забинтую своё сердце,
Чтобы не рвалось из груди.
Притушен свет. Прикрыта дверца.
Тепло и сумрачно внутри.

На мягких стенах нету окон.
Здесь нет воды, здесь нет огня.
На тонкой нити белый кокон –
Уютный домик для меня.

И только те живые звуки,
Шутя взрывают тишину,
И только те живые руки
Рояль ласкают, как жену.

Куколка

Елене Кузнецовой-Лёландэ

В паутине пыльных кружев
На витрине я одна.
Вам надёжный друг не нужен?
Втрое снижена цена!

За стеклом живое море
Силуэтов-верениц,
Только к кукольному горю
Равнодушны пятна лиц.

Паралич нелепой позы
И улыбки красный шрам.
Льют невидимые слёзы
По игрушечным щекам.

Рот вульгарно размалеван,
Не причёсан мой парик.
Словно в лёд, внутри закован
Концентрированный крик:

“Где ты, мой хозяин милый?
Мой единственный герой!
С этой паперти постылой
Забери меня домой!”

Не желала и врагу бы
Эту участь повторить,
Но пластмассовые губы
Не умеют говорить.

В паутине пыльных кружев
На витрине я одна.
Вам надёжный друг не нужен?
Втрое снижена цена...

Кисть взлетает неровно, неверно, нервно,
Неуверенная, наверно?

Ностальгия настала.
Достала!
На этюднике распластала.

Колоритный аппетит.
Аппетитный колорит
С калорифером.

И тиски тоски,
И натурщица –
Губы шифером.

А наброски мои, да всё выброски.
Ох, палитры – литры.
Ах, поиски – прииски.

Они бедные, да богатые.
Они юные, да бородатые.
И чумазые, и прекрасные
Муки творчества ненапрасные!

Джокер

Не тусуется колода
Без коварной дамы пик.
Эх, актёрская порода –
Гуттаперчевый язык.

Думал, всех обставлю в покер,
Оказалось всё не так.
Был уверен, что я джокер,
Вышло – подкидной дурак.

Грустно мне – я улыбаюсь,
Всё кипит – я не сержусь.
По арене кувыркаюсь,
Спать без грима не ложусь.

Мне не вырваться из клетки
Эксцентричного вранья,
Не сорвать позорной метки,
Насмерть впившейся в меня.

Всё меняет в антураже
Время – карточный факир:
Бутафорские пейзажи,
Декорации квартир.

Полоумная, шальная,
Опереточная роль,
Я её всю жизнь играю,
В кулачок сжимая боль...

Владимиру Высоцкому

Меня разукрасили в сотне парадных портретов,
Меня изваяли и в камне, и в бронзе теперь.
Но даже сейчас вы не вняли, не сняли запретов,
Но даже сейчас не открыли стучащему в дверь.

Теперь не опасен. Сияю в заслуженной славе.
Прекрасен, потрясен, как ангел бесплотный в раю.
И хоть осуждать меня больше уже вы не в праве,
Но если б вы знали, о чём я на небе пою...

Заткнулись газетные желтоголовые утки.
Утратив меня, испытали читатели грусть.
И все мои, даже нелепые самые шутки,
По школам детей заставляют учить наизусть.

Не надо играть, что как будто меня вы признали.
Я цену узнал лицемерных похвал и щедрот.
Ещё не забыл, как мне руки узлами вязали
И кляпом заклеить пытались орущий мой рот.

Да вы погодите мне петь послесмертные оды,
И медные трубы свои уберите в чехлы.
Я стал атрибутом, невольным заложником моды,
Но так и не вклинился в рациональные лбы.

Не надо оваций, мне это уже безразлично,
Не надо слащавых речей, запоздалых наград.
Ведь выглядит всё это невероятно комично,
Как плач по усопшему волку дрожащих ягнят.

Я сгусток энергии, верный одной лишь надежде,
Из небытия всё кричу вам надрывно, как альт,
Что время придет, и мы снова схлестнёмся, как прежде,
Когда я вернусь – прорасту, как трава сквозь асфальт.

Перед сценою запах тайны
И надежд на иную жизнь.
Бесшабашные... Вира! Майна!
На качелях то вверх, то вниз.

Лабиринтами закулисья
Заблудились мы навсегда.
Это наша святая миссия,
Это наша на всех беда.

Ветхим занавесом завета
Старый мир – театральный кот,
Отделив темноту от света,
Роли новые раздаёт...

Моё место на подоконнике
С сигаретой в отрытой форточке.
Всю судьбу разгадай, как в соннике,
По моей, по кошачьей мордочке.

Потаскушкою матом крытою
Из тусовки почти богемной,
Я всегда, не подумав, вытворю,
Чтоб страдать потом ночью-денно.

Покосились родные стены,
Подавляя своё смущение.
Существо из другой вселенной,
Я прошу у тебя прощения!

Ямой чёрною сердце выболит,
А слова на зубах завязнут.
Почему всё опять навыворот?
Почему всё так грязно, грязно?..

Постигать натюрмортную тайну вещей,
Рисовать на заборах солярные знаки,
Над богатством палитры с тарелкою щей,
Быть бездомнее самой бродячей собаки.

Настоящим творцом умереть в нищете,
В завещанье своём не оставив ни строчки.
Свой прощальный этюд написать на холсте,
Не снимая с себя белоснежной сорочки...

Маргарита

Я во сне по мосту перешла через реку,
Кто-то долго махал мне на том берегу.
Грохоча, старой жизни трамвайчик уехал,
Ничему удивляться теперь не могу.

Уже стрелка минутная сдвинулась с места
И назад не вернётся, случиться вот-вот
Что-то невероятное: я, как невеста,
Жениха ожидаю у царских ворот.

Хоть куда, лишь бы только не здесь оставаться:
Хоть на бал к Сатане, лишь бы не сатанеть.
Ведь мимоза должна на углу продаваться?
Ведь, конечно, похожи свобода и смерть?

Убегала. Никто не помчался вдогонку.
Чудный крем Азazelло втираю опять.
Мастеров нынче нет – это ясно ребёнку.
Маргариты же стаями стали летать...

Не приходят стихи.
Может, что-то случилось?
Не приходят стихи
Уже несколько дней.
За какую провинность
Я впала в немилость
Каллиопе, Эрато, Евтерпе моей?
Может, просто они
Лишь рассеяны малость,
На Парнасе забыли Пегаса-коня?
Может, просто они,
Проявив свою жалость,
Захотели нормальной оставить меня...

Кожанэ, ты моё, кожанэ!
Кожанэе ты мое, польтэ,
Исцарапанэ, задрипанэ,
Потерялэ свое красотэ.
И не тэ, и не се, и ваще,
Вовсе ты не польтэ, а плаще.

Почему поэты пьют?
Потому, что сердцу вольно
Верить, петь, лететь, творить.
Перезвонно. Белоствольно.
Беззапретно. Беспарольно.
Как дышать – так говорить.

Почему поэты пьют?
Потому, что сердцу больно
Веру и друзей терять.
Падать, плакать малохольно,
Про себя молчать крамольно,
И прилюдно умирать.

Поэтессы тоже пьют,
Потому, что невозможно
Эту тяжесть выносить,
Даже нежно, осторожно,
В снежной россыпи творожной,
Очень сложно вас любить...

Мышка-норушка нарушила сон,
Вспенив душевную хмарь,
Грызла и грызла под старым диваном
Свой бесконечный сухарь.

Что-то сдаётся – в мире нет солнца!
Жить мне, скребя и скорбя.
Грызла я, грызла на старом диване
Себя... Бесконечно. Себя.

Только несколько строк...

Уйду в стихи по буквенным ступеням
Степенно, ну, а может, оступлюсь.
Нетленна мысль, а значит, я нетленна,
Извечно изувечна, ну и пусть!

На батуте неба солнце прыгает
Запад-закат, восход-восток.
Торопыгой, потным трудом, мотыгою
Рифы рифм откалываю на листок.

Ну, а после меня только несколько строк,
Может, даже несколько слов.
Тонкой цепочкой-следом сквозь белый листок
От меня через времени ров,
В будущее...

Упаду посреди улицы.
Руки-ноги раскину в стороны.
Фонари надо мной ссутулятся,
Налетят на меня вороны.

Отводите глаза, прохожие.
Объезжайте меня, автобусы.
Бусы сорваны. Обморожены
Луж овалы, деревьев конусы.

Надо мною, убитой холодом,
Посудачат две добрых тётеньки:
Скажут, будто спилась я смолоду,
А одета прилично, вроде бы...

Полночное «Спи!» простучало мне сердце,
Но шорох, сопенье, и вздохи, и скрип...
Вот сами собой открываются дверцы,
И тень незнакомая рядом стоит.

Мой хрупкий мирок под угрозой вторженья.
По стенам стекает невидимый яд,
И каждое слово, любое движенье
Угрозу, угрозу, угрозу таят.

Заклеен мой рот липкой лентою страха,
И связана я по рукам и ногам.
Смирительной стала ночная рубаха.
Конец. Я попалась. Захлопнут капкан.

Что-то не к добру стихи попёрли.
Оплачу слезами этот дар.
Оплачу – оплачу. Комом в горле,
Воплем воздаётся гонорар.

Воздаётся. Раздаётся. Охнет.
Раздвоится эхом и стихом.
Стихнет всё, и всё вокруг оглохнет...
И опять... И потом... И потом...

Жизнь моя из графоманской прозы
Черновик – испачканный листок,
А стихи – железные занозы,
Сдавленные стоны между строк.

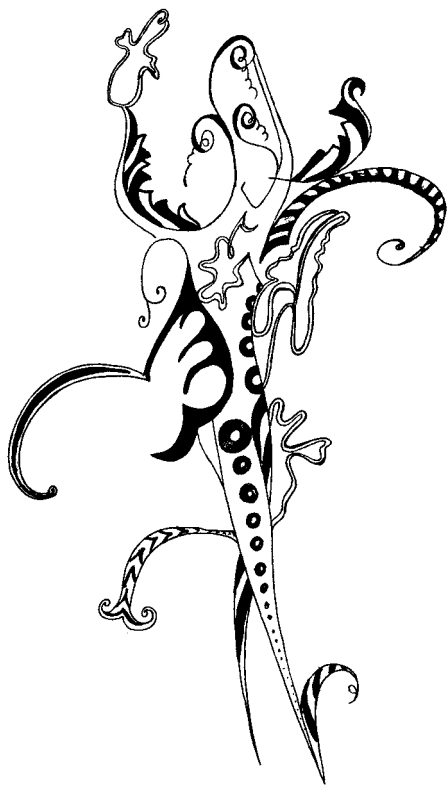
Строки-дни в ошибках и помарках
Пляшут нервным почерком вразлёт.
Ну, а кто-то на примерах ярких
Научившись, набело живёт...

Прощай, прощай, истрёпанный герой!
Ты исчерпал себя до дна, последней точки.
Пресыщен верный зал блистательной игрой,
И предсказуемы любые заморочки.

Шикарный, экзотический костюм
Слегка помят и маловат немного,
Но всё ещё вещает Гамаюн,
И вдаль несёт счастливая пирога.

Усердно взгляд блуждающей звезды
Изображает интерес к убогим,
Тверда рука, держащая бразды,
И сказками овеяны чертоги.

Поклонников неутомимый рой
Ещё гудит и просит новых песен.
Прощай, прощай, истрёпанный герой,
Раскрыта тайна – ты не интересен!

Сезоны
любви

Поскорей бы ноябрь, поскорей бы застыла земля,
И спасительный снег разрешил бы усталое бремя.
У причала во льдах затонула мечта корабля.
Жизнь моя переходит на самое зимнее время.

Из корявых обломков, осколков потерянных лет,
Эта груда огромная ржавого металлолома.
Горя нет. Счастья нет. Лишь причудливый дым сигарет.
Тренирована воля, как потные мышцы Сталлоне.

Месяц март – любитель драки, –
Лжец коварный в белом фраке, –
Всё смешал в один клубок.
Как побитые собаки,
Мчатся вьюги наутёк.
Счастье с болью, солнце с тенью,
Зло с добром, любовь с сомнением.
В межсезонной кутерьме
Твой случайный взгляд весенний –
Выстрел по моей судьбе.

Я с тобой, моё начало!
Я с тобой, мой ясный свет!
Сразу я тебя узнала
И пошла тебе во след.

Над твоей печалью плачу,
Словно ива у реки,
Ворожу тебе удачу,
Расплетаю узелки.

Я тихонько прошептала,
Сон твой ревностно храня:
«Сразу я тебя узнала,
Только ты, узнай меня!»

Самолётик белым следом
Пополам разрезал небо,
И теперь на небе шрам.
Небу страх зимы не ведом,
Кажется ему, что беды
Где-то там... Где-то там...
Дым сиреневый клубится.
Ёжится на ветке птица,
Не поёт... Не поёт...
Хитро девицы-лисицы
Отворачивают лица.
Снег идёт... Снег идёт...

Лунный глаз, угольком в копоти,
Не мигая, совсем остыл.
Хоть бы ты был, Господи!
Господи, хоть бы ты был!

В небо чёрное-чёрное, с проседью,
Будто в ухо тебе, кричу:
«Верить хочу, Господи,
Верить в тебя хочу!»

Вместе бы нам на погост идти,
И простить бы кровную месть.
Только люби нас, Господи,
Таких, какие мы есть!

Октябрь

Ветки-плётки хлещут в окна
Всё с размаху об стекло,
Листья-лодки в лужах мокнут.
Отлетело... Отцвело...

Перерезал неба небыль
Нотный стан из проводов,
Никогда счастливым не был
Этот месяц чёрных вдов.

Поцелуев мятных метки
На заплаканном лице,
Кисло-сладкие ранетки
В стылой луже на крыльце.

И следит неотвратимо
Из глубин холодной тьмы,
Сквозь седые космы дыма
Беспощадный взгляд зимы.

Как по узким книжным полкам
Позабывшие тома,
По хрущёвским переулкам
Жмутся серые дома.

Свысока взирает важный,
Словно айсберг среди льдин,
Небоскрёб многоэтажный –
Жалкой черни господин.

В окнах глаз его стеклянных
Витражи из снежных роз.
Это вам не то, что в Каннах –
Тридцать градусов мороз.

За стеною вьюга воеет,
Как пощёчина, резка,
Но меня не беспокоит
Коммунальная тоска.

Серый воздух, запах серы
И бесцветные дома.
Чёрно-белая без меры,
Беспросветная зима...

Мне приснился апрельский запах,
И по жилам весенний ток,
На корявых древесных лапах
Самый первый живой листок.

Небо к планете пришито травой –
Пёстрый лоскут и лоскут голубой,
Яркой заплатой наспех прилатан
Солнечный диск с золотой бахромой.

Выпотрошенные рыбы
Выброшены на песок.
А вы разорвать смогли бы
Узел из рук и ног?

В молчании напряжённом
Шуршание шин за окном.
Лишь самым забытым жёнам
Такой шепоток знаком.

В излёте короткой жизни
Бессмысленно ночь длинна.
Теснится в стеклянной призме
Бесчувственная луна.

Решать всё равно придётся!
Да скорость уже не та.
Дымком сигаретным вьётся
Спасительная пустота...

Ночь затягивает ту же
Ожидания петлю.
Почему совсем не нужен
Я тому, кого люблю?

Ну, за что мне кара эта –
Вечно ждать, когда придёшь?
Как бесплодная планета
Ожидает Божий дождь.

Где ты? С кем ты мнёшь подушку,
Несусветное дитя?
Жизнь моя – твоя игрушка –
Переломана шутя.

Атрофированы чувства.
Я умею только ждать.
Очень трудное искусство –
Постепенно умирать...

Русалка

Распоясывала рубашку,
Расплетала тугие косы
И воротами нараспашку
Убегала простоволоса.

И дороги не разбирая,
В омут вечности – омут мести –
Слишком близко, совсем с края,
Обронила простой крестик.

Остывало – остыло солнце,
Остывало – остыло сердце.
Занавешено оконце
И распахнута та дверца.

Забывалось – забылось горе,
Разливалась – разлилась речка,
Понесла, понесла в море
На венчальном венке свечку.

И чего-то теперь жалко,
Плавны медленные движенья.
Почему же взглядом русалки
Затуманилось отраженье?

Как горит твоя гордыня, как заносчивость заносит,
И к карманам липнут бабки, и бабёнки липнут к брюкам.
Несмотря на рост и голос, несмотря на смеха россыпь,
Ты – всего лишь обезьянка, научившаяся трюкам.

Я – конвейерная гайка, часть компьютерной программы.
Жерновами жмых разжёван забракованного брака,
Но уже почти сроднившись с ролью одинокой мамы,
Я – всего лишь обезьянка, научившаяся плакать.

Человеческие стайки на трамвайных остановках
Зябко жмутся и, конечно, жалки в дарвиновском смысле.
Называть себя творцами – очень ловкая уловка,
Мы – всего лишь обезьянки, научившиеся мыслить.

Постпраздничный синдром свершившегося чуда,
Опустошения и приторной тоски.
Темным-темно в душе, темным-темно повсюду.
Губной помады лишь пастозные мазки:
На вороте рубашки, на бокале,
На простыне. На теле синяки,
Как маршальские на груди медали.
Тяжёлым оловом налитые виски.
Растоптано, осквернено, разлито,
Но не забыто и обнажено.
Старушечье разбитое корыто
На прежнем месте ждёт уже давно.
Залечит, может, времени аптека?
Но всё же жаль, хоть как ты ни крутись,
Два абсолютно конгруэнтных человека,
Соприкоснувшись, – не пересеклись...

Покатилась крынка с полки,
Будто бес её подтолкнул.
Бац – и вдребезги, а осколки,
Как по крови, – по молоку.

Потерялся так внезапно,
Покатилось под откос.
На платке моём чёрном пятна
От молочных, от белых слёз.

Молоко по столу, по полу,
Возле, около головы.
Что-то смолоду, что-то снову...
А теперь не вернёшь, увы.

Не успела ещё напиться,
Сокрушаюсь над молоком.
Утекает под половицы
Моя молодость ручейком.

У порога, будто бы у трапа.
Как за дверью темнота густа!
Сын остался ночевать у папы,
И кроватка детская пуста.

Вот игрушек ряд осиротевший,
Книжек небывало ровный строй.
Стала, как без ядрышка орешек,
Комната нелепой скорлупой.

Время в эту ночь непунктуально.
Мягкой жвачкой тянутся часы.
В этой непривычно тихой спальне
Не имеет выбора мой сын.

За окошком скучный дождь закапал.
Девяносто так живут из ста!
Сын остался ночевать у папы,
И кроватка детская пуста...

Тучи в куче, как коровье вымя.
Вдоль по склону и без тормозов
Дождь колючий, как родное имя,
Как о помощи последний зов.

А луна, как гол в свои ворота,
И у края брошенная я.
Этот крик, отчаянный до рвоты.
И у раны рваные края.

Хоть в глазах темным-темно от боли,
Только резким, бешеным рывком
Можно вырвать полсудьбы, полдоли.
Половину или целиком?

Отрывала с мясом. Обрывала.
Почему на небе нету звёзд?!
Я сама хотела и узнала,
Что такое значит жить всерьёз...

И перед всеми я без разбора
Бисер мечу, мечу...
И подставляю я слишком скоро
Шею мечу.

И отдаю безо всякого боя
Жизни права, права.
Спор никогда не начну с тобою,
Если права.

Противоречия все запрячу
На дно души, души.
Не горяча. Не жива. Не зряча.
Крепче души.

Но лишь в речах о себе, и только,
Буду смела, смела.
В грязь со стола апельсина дольку
Осень смела...

Обрыв. Провал. И я на дне,
На дне глубокого колодца.
В том самом-самом чёрном дне,
В ужасном чёрном дне без солнца
И ночи без тебя.

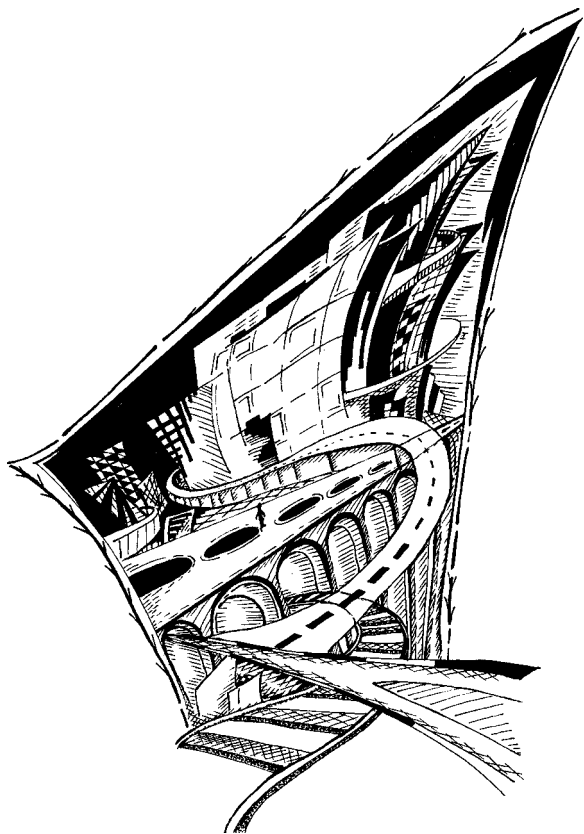
На самом краешке крыла,
Крыла из пепла,
Уснула маленькая точка всех надежд.
Мой серый ангел, светлоокий, несусветный –
Прозрачный бред...

Тоскливый путь окончен – всё известно.
В формате тёплого окна,
На острие огня – в твоей судьбе –
Нет места,
 места для меня.

Доверяли секреты сплетнице –
Старой пепельнице на столе.
И дымок сигаретный теплился
В серебристой её золе.

На какие-то сны надеялись
И гадали на королей,
И любого, кого б ни встретили,
Объявляли судьбой своей.

Целовались на тёмной лестнице,
Выбегали на первый снег.
Тусклый свет молодого месяца
Принимали за фейерверк.

Талонном
по Европам
и обратно

В Европе расслаблены мышцы лица
У всех, а не только у даунов.
Аперитив. «C'est joli!» – без конца.
Крабы, оливки, сауны.

Никто не бунтует, запоем не пьёт.
Лишь устрицы выглядят жутко,
Да плесени белой на сыре налёт,
А, я-то надеялась: шутка.

Цветом топлёного молока
Домики, как пирожные.
И от французского языка
Тронуться точно можно.

Вилку держу теперь в левой руке,
Хотя без особой сноровки.
Счастье мелеет, подобно реке,
От передозировки.

*(франц.) Это мило!

Нет меня в своем Отечестве,
Боже!
Попрошаюсь по-отечески,
Может.
Канны, Ницца гладкокожая.
Жарко.
Кану ниц я, непохожая.
Жалко.
Я, конечно же, в тебя-себя
Верю!
Сквозь закрытое иду окно,
Двери.
У лица разбитое стекло
Солью.
Улица, и время истекло
Болью...

Мир серебряный – там всё можно.
По ту сторону от таможи –
Вот черта.
И в любую жару прохладно,
А у нас всё не так, и ладно.
Ни черта!

Навсегда, на «свежо» и «душно»,
Мир, как этот вокзал воздушный,
Разделён.
Даже ночью живёт бесстрашно
Дед французский холёный, важный,
Он – Делон.

Экономя пространство узких
Обжитых мостовых нерусских,
По верхам,
Словно вёдра на коромыслах,
Клумбы на фонарях повисли.
C'est très bien!*

*(франц.) Это очень хорошо!

Ветра свист. Восторг полёта,
Как на крыльях самолёта,
Я в крутой петле.
Улетаю, улетаю,
Обгоняю птичью стаю
На своей метле.

Горе там внизу осталось,
Растворилось, потерялось,
Кануло в туман,
Где так билась, унижалась,
Вызывать пытаюсь жалость
И терпя обман.

Горизонт перевернулся,
Закружился, изогнулся –
Яркий, жаркий путь.
Я в объятиях заката,
Не грешна, не виновата.
Обо мне забудь!

Вся в атласе, вся в пурпуре,
Вся подстать пурге и буре,
Я спешу на пир.
Не давай своих советов.
Мне сугубо фиолетов
Твой жестокий мир.

-Bonjour! Bonjour! Comment ça va?*

Четыре поцелуя.
Безостановочно слова
Журчат, и в них тону я.

А здесь шампанское с утра,
И кофе даже на ночь,
И жизнь – не жизнь, а лишь игра.
Упёртый русский завуч –

Я здесь чужая. Я не я.
В щеках, как после пыток,
Под кожей ползает змея,
От деланных улыбок.

А здесь отсутствует час пик,
В автобусах – свобода.
Париж похож на Мозамбик
От чёрного народа.

А здесь никак не разобрать,
Когда зима и лето.
Поверь, не стоит умирать,
Увидев город этот.

*(франц.) Добрый день! Добрый день! Как дела?

Коломбина

Корабль–город взвил кварталы,
Чтоб напоследок покутить
И в мясорубке карнавала
Шальные души прокрутить.

Кто даже по небу летает,
Не избежит его грехов.
Лимонной долькой город тает
В тревожном запахе духов.

Как пузырьки в бокале винном –
Так быстротечен твой полёт.
С кем ты танцуешь, Коломбина?
Где скрипочка твоя поёт?

Ты заняла себя игрою,
Пережидая эту жизнь.
Ты так неистова порою,
Танцуй же, смейся и кружись!

И снова золото на чёрном,
А белое на серебре.
Ты в лёгком шарфике узорном,
Как паутинка в сентябре.

Но в карнавальной круговерти,
Среди причудливых затей,
Так популярна маска Смерти...
И, может, Коломбина в ней?

Опять, опять на те же грабли.
Вновь клюнул жареный, горластый Chante-clair*.
И леденцово-розовые капли –
Кровь глупых бабочек на лобовом стекле...

*(франц.) поэтич.; петух.

Ах, автобус двухэтажный!
Как павлин среди цыплят.
Иностранец очень важный –
Свысока надменный взгляд.

Пожалей, Громада, крошку!
Словно папа дуру-дочь,
Посади в свою ладошку,
Унеси отсюда прочь.

За окном дорога-лента,
Хаотичных жизней взвесь.
Будто не одна, а с кем-то,
С кем-то рядом и не здесь...

Покрывалом тьмы дом
Покрывало, как льдом.

Притупился нож мой,
Притаился зверь злой.

Я открыла дверь в день,
И отпрыгнул зверь в тень.

Родина моя – моя родинка,
Ты на век со мной. Ты на век со мной.
От кровей дворян – благородинка,
От корней крестьян – непокой.

Замурованы, разворованы,
С замороченной головой.
Только красный свет на все стороны –
Нам сподручнее на него.

Что ни ветер здесь, то всегда норд-вест.
С самой осени лета ждут
Города мои – города невест.
Мимо храмов дороги тут.

Белый храм – небольшой островок безопасный
Посреди перекрёстка дорог.
Всё поделено на категории, касты,
На разряды, на цвет и на срок.

Я останусь училкой в потёртой шалёнке,
И расставлено всё по местам.
Рыжеватый Иуда – пацан из продлёнки –
Горько плачет в объятьях Христа.

Домов причудливые, серые кувшины –
Собрание хранителей пустот.
В них притаились очень злые джины,
Что исполняют всё наоборот.

Ослаблено земное притяженье.
Потеряно венчальное кольцо.
В загадочном подвижном отраженье
Моё не дорисовано лицо.

Зазвенело там за гаражами:
«Жизнь такая, нету больше сил!»
Озверело, яростно сражаясь,
Пьяный урка урну победил.

Равнодушным душам потакая,
Не смущайся, слыша детский крик.
Мы такие, а не жизнь такая.
Топаем по-тупости в тупик.

И глазами – вёдрами пустыми –
Мне соседка метко тычет в бок.
А над человеческой пустыней –
Неба небелёный потолок...

Я хочу на луну, на луну улететь.
И на Землю смотреть из космоса.
Самой первой вечный встречать рассвет,
Как индийский бог в позе лотоса.

Восседать. Молчать. Всё на свете знать.
Посылать сказки-сны засоням.
Никакая рать, никакая знать
Тут ни дать, ни взять – не догонят.

Пробуй лунный пряник и лунный чай.
На луне всё другого цвета.
Выше головы прыгни невзначай,
И летай от зимы до лета.

На моей луне, на твоей луне
Не бывает проблемы с весом.
Прилетай скорей на луну ко мне,
Я тебе застолбила место.

Жанне Алимовой-Картер

Жанна, ты ветер, Жанна!
Не лёгкий бриз побережья.
Порывистый, ураганный,
Стихийный и неизбежный.

Жанна, не вечер, Жанна!
Ещё впереди полжизни.
Ты будешь всегда желанна
В своей озорной харизме.

Жанна, не вечно, Жанна,
Зима... Не случится разве
Загаданный, долгожданный
На улице нашей праздник?

В дороге

И когда суждено встретиться?
Жизнь длиннее, чем «навсегда».
Может, это земля вертится?
Нет, поехали поезда.

На Алтае всё чаще сосны,
На Урале все чащи – ёлки.
Запах курева, куриц постных,
И матрас вечно шире полки.

Мой больной висок бередит сквозняк,
Из окна – всё ну так красиво!
Вдоль путей-дорог березняк, как знак –
Чёрно-белый штрихкод России...

Говорила бабушка, старость праздная:
«Я ещё тудыличи в можете была!»
Трудовые, праздные, будни разные,
Чередой праздников кабала.

И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьётся комочек сердца,
Жизнь уже случилась,
сбылась,
была...

Спелый налив яблока.
Белый наив облака.
Снова поёт колокол.
Вспенены небеса.
Вся суета побоку.
С ветром рука об руку.
Словно волны всполохом
Вздыблены паруса.

Синие глаз искорки
Сильно блестят искоса.
Смелый, всегда искренний
Первой любви полёт.
На острие-кончике
Нашей судьбы почерком,
Морзе – тире с точками:
«Веруйте, и вперед!»

Юлия Нифонтова родилась в городе Барнауле, закончила живописно-педагогическое отделение Новоалтайского художественного училища, затем поступила в Алтайский государственный институт культуры и искусств, и в 1996 году получила диплом с отличием. Работает преподавателем специальных художественных дисциплин (изобразительное искусство, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, мировая художественная культура). Стихи Юлии Нифонтовой печатались в литературно-художественных журналах «Алтай», «Барнаул», «Русское эхо» (г. Самара), «Луч» (г. Ижевск), «Московский вестник» (г. Москва), коллективных поэтических сборниках «Отражение» и «Сезон дельфинов», периодической печати. Песню на стихи Юлии Нифонтовой «Судьба актёрская» исполнил Народный артист России Николай Караченцов. Ю. Нифонтова – участница семинаров молодых писателей Алтая, второго слёта молодых писателей России «Дети Солнца» в г. Москве. На четвертом съезде РСПЛ Юлия Нифонтова принята в члены Российского союза профессиональных литераторов.

E-mail: julianifont@mail.ru

Содержание

Сергей Ключников «Живое дыхание» 3

Муки творчества

“Провода гудящих строчек...”	6
“Актриса голая, печальная...”	7
“Я забинтую своё сердце...”	8
Куколка	9
“Кисть взлетает неровно, неверно, нервно...”	11
Джокер	13
“Меня разукрасили в сотне парадных портретов...” ..	15
“Перед сценою запах тайны...”	17
“Моё место на подоконнике...”	18
“Постигать натюрмортную тайну вещей...”	19
Маргарита	20
“Не приходят стихи...”	21
“Кожанэ, ты моё, кожанэ!”	22
“Почему поэты пьют?..”	23
“Мышка-норушка нарушила сон...”	24
Только несколько строк...	25
“Упаду посреди улицы...”	26
“Полночное «Спи!» простучало мне сердце...”	27
“Что-то не к добру стихи поперли...”	28
“Прощай, прощай, истрёпанный герой!..”	29

Сезоны любви

“Поскорей бы ноябрь, поскорей бы застыла земля...” ..	32
“Месяц март – любитель драки...”	33
“Я с тобой, моё начало!..”	34
“Самолётик белым следом...”	35
“Лунный глаз, угольком в копоты...”	36
Октябрь	37
“Как по узким книжным полкам...”	38
“Мне приснился апрельский запах...”	39

“Выпотрошенные рыбы...”	41
“Ночь затягивает туже...”	42
Русалка	43
“Как горит твоя гордыня, как заносчивость заносит...”	44
“Постпраздничный синдром свершившегося чуда...” ...	45
“Покатилась крынка с полки...”	46
“У порога, будто бы у трапа...”	47
“Тучи в куче, как коровье вымя...”	48
“И перед всеми я без разбора...”	49
“Обрыв. Провал. И я на дне...”	50
“Доверяли секреты сплетнице...”	51

Галопом по Европам и обратно

“В Европе расслаблены мышцы лица...”	54
“Нет меня в своем отечестве...”	55
“Мир серебряный – там всё можно...”	56
“Ветра вист. Восторг полёта...”	57
“Bonjour! Bonjour! Comment ça va?..”	58
Колумбина	59
“Опять, опять на те же грабли...”	60
Ах, автобус двухэтажный!..”	61
“Покрывалом тьмы дом...”	62
“Родина моя – моя родинка...”	63
“Белый храм – небольшой островок безопасный...” ...	64
“Домов причудливые, серые кувшины...”	65
“Зазвенело там за гаражами...”	66
“Я хочу на луну, на луну улететь...”	67
“Жанна, ты ветер, Жанна!..”	69
В дороге	70
“Говорила бабушка, старость празднует...”	71
“Спелый налив яблока...”	72

Юлия Нифонтова
Провода гудящих строчек

Редактор –
Клюшников С. Е.

Художественное оформление –
Карпов А. А.

Корректор –
Рахманина Т. Г.

Сдано в печать – 08. 02. 06 г.

Формат – 60x84^{1/32}.

Объём – усл. печ. л. 2,21.

Бумага – офсетная.

Тираж – 1000 экз.

Заказ № 998.

Типография “А.Р.Т.”,
г. Барнаул, ул. Ползунова, 34-а.
Тел. (3852) 23-23-89.